4. Ivanova S. P., Barannikov A. L. Novyj mekhanizm resheniya problem s dolgami grazhdan Rossii cherez procedury bankrotstva // Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova [A new mechanism for resolving problems with the debts of Russian citizens through bankruptcy procedures // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics]. 2016. No. 6. Pp. 148–159.

5. Sosnova M. Stadii bankrotstva pri priznanii grazhdanina bankrotom cherez sud // Federal'nyj centr bankrotstva [Bankruptcy Stages When Declaring a Citizen Bankrupt through the Courts // Federal Bankruptcy Center]. URL: https://xn--90a1bg.xn--p1ai/articles/bankrotstvo/stadii-bankrotstva-pri-priznanii-grajdanina-bankrotom-cherez-sud/ (accessed: 05/29/2026).

6. O nesostoyatel'nosti (bankrotstve) : federal'nyj zakon RF ot 26.10.2002 № 127-FZ // SPS «Konsul'tantPlyus» [On Insolvency (Bankruptcy): Federal Law of the Russian Federation of October 26, 2002, No. 127-FZ // SPS «ConsultantPlus»].

7. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks RF ot 24.07.2002 № 95-FZ // SPS «Konsul'tantPlyus» [Arbitration Procedural Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ // SPS «ConsultantPlus»].

8. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / gl. red. B. M. Volin, D. N. Ushakov (t. 2–4); sost. G. O. Vinokur i dr.; pod red. D. N. Ushakova. M. : Gos. in-t «Sovetskaya enciklopediya» (t. 1): OGIZ (t. 1) : Gos. izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej (t. 2–4), 1935–1940 [Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes / eds.-in-chief B. M. Volin, D. N. Ushakov (vols. 2–4); compiled by G. O. Vinokur et al.; edited by D. N. Ushakov. Moscow: State Institute «Soviet Encyclopedia» (vol. 1): OGIZ (vol. 1): State Publishing House of Foreign and National Dictionaries (vols. 2–4), 1935–1940]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/ (accessed: 05/29/2026).

9. Lebedev S. A., Kos'kov S. N. Konvencional'nost' i konsensual'nost' nauchnogo znaniya kak epistemologicheskaya norma // ZHurnal filosofskih issledovanij [Conventionality and Consensuality of Scientific Knowledge as an Epistemological Norm // Journal of Philosophical Research]. 2020. Vol.. 6, No. 3. Pp. 12–21.

10. Malakhov V. P. Pravo v ego universal'nosti, osobennosti i konkretnosti [Law in its universality, peculiarity and concreteness]. Moscow : Mosk. un-t MVD Rossii [Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2005.

Статья поступила в редакцию 10.07.2026; одобрена после рецензирования 22.08.2026; принята к публикации 31.08.2026.
The article was received by the editors on 10.07.2026; approved after review on 22.08.2026; accepted for publication on 31.08.2026.

УДК 340.142

Гульнара Талгатовна Галиуллина
Аспирант Московского университета «Синергия»
(129090, Россия, г. Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1)
E-mail: 50-11@mail.ru
ORCID: 0009-0000-1439-8556

Особенности структуры нормы права в составе судебного прецедента

Аннотация. *Актуальность темы исследования обусловлена неопределенностью структуры правовой нормы в составе судебного прецедента с точки зрения наличия у таких норм классических элементов в виде гипотезы, диспозиции и санкции. Предметом исследования выступают структурные элементы правовой*

© Галиуллина Г. Т., 2026

нормы в составе судебного прецедента. Цель исследования заключается в установлении содержания и особенностей структуры прецедентной правовой нормы. При подготовке статьи использованы общенаучные (системно-структурный, логический) и частно-научные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. Новизна исследования состоит в раскрытии видоизменения элементов по сравнению с нормой нормативного правового акта. Обосновано, что гипотеза прецедентной нормы не закреплена абстрактно, ее фактический объем раскрывается через процедуру distinguishing. Диспозиция, вопреки распространенному мнению о ее неопределенности, демонстрирует эволюционную динамику. Особенность санкции заключается в ее двойственной природе: наряду с традиционной материально-правовой ответственностью для сторон спора в прецедентной системе формируется дополнительный санкционный механизм, обращенный к судье.

Ключевые слова: *судебный прецедент, прецедентное право, прецедентная норма, структура нормы права, гипотеза, диспозиция, санкция, судебная практика, ratio decidendi, stare decisis, правоприменение.*

Финансирование. *Это исследование не получало внешнего финансирования.*

Gulnara Talgatovna Galiullina
Postgraduate student
Synergy Moscow University
(129090, Russia, Moscow, ul. Meshchanskaya, 9/14, p. 1)
E-mail: 50-11@mail.ru
ORCID: 0009-0000-1439-8556

Legal Norms: Structural Features as Part of Judicial Precedent

Abstract. *The relevance of this research topic served by the uncertainty which surrounds the structure of legal norms within judicial precedents, in terms of the presence of classical elements such as hypothesis, disposition, and sanction. The subject of the work is the structural elements of legal norms within judicial precedents. The purpose of this study is to establish the content and structural features of precedent-based legal norms. The author applies general scientific (systemic-structural, logical) and specific scientific (formal-legal, comparative-legal) methods. The novelty of the study lies in its disclosure of the modification of elements compared to the norm of a normative legal act. It is substantiated that the hypothesis of a precedent-based norm is not abstractly established; its actual scope is revealed through the distinguishing procedure. The disposition, contrary to the widespread belief regarding its uncertainty, demonstrates evolutionary dynamics. The peculiarity of the sanction lies in its dual nature: in addition to traditional substantive liability for the parties to a dispute, the precedent-based system develops an additional sanction mechanism addressed to the judge.*

Keywords: *judicial precedent, case law, precedent rule, legal norm structure, hypothesis, disposition, sanction, judicial practice, ratio decidendi, stare decisis, law enforcement.*

Funding. *This research did not receive external funding.*

Судебный прецедент, являясь одним из признанных и распространенных источников права в странах англосаксонской правовой семьи, включает в себя юридические нормы, оказывающие регулирующее воздействие на общественные отношения. В то же время, несмотря на бесспорность нормообразующего характера судебного прецедента, в литературе наблюдается отсутствие единообразного понимания того, какова внутренняя структура правовых норм, входящих в состав судебного прецедента.

Так, многие отечественные авторы предлагают исходить из общепринятой в странах романо-германской правовой семьи трехэлементной структуры правовой нормы, выделяя в судебном прецеденте гипотезу, диспозицию и санкцию [1, с. 10]. В частности, некоторые авторы оперируют терминами «гипотеза» и «диспозиция» при описании фабулы дела и правовой позиции (принятого решения) суда по конкретному делу, на примере постановлений Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ (оставляя за скобками дискуссию о прецедентном характере судебных актов российских судов) [2, с. 46].

В то же время несколько иной взгляд на определение структуры правовой нормы в судебном прецеденте предлагается рядом авторов, которые отмечают особенность применяемой судами юридической техники при формировании судебных прецедентов, а также специфику содержания прецедентов. Такие нюансы предполагают либо невозможность применения классической трехэлементной структуры правовой нормы, либо же наличие особенностей в самом содержании данных элементов (при возможности их выделения) [3, с. 85].

Одним из наиболее распространенных аргументов в пользу признания наличия у правовых норм в составе судебного прецедента особенностей их структуры является ссылка на «неписаный» характер норм прецедентного права, поскольку создаваемые судьями правила подразумеваются и выводятся из многостраничных судебных актов, а не изложены в них прямо, как это имеет место в ситуации с нормативными правовыми актами [4, с. 22].

Для того, чтобы определить структуру правовой нормы в составе судебного прецедента (в том числе выявить наличие в данной структуре классических трех элементов нормы права), а также раскрыть специфику их содержания, необходимо проанализировать особенности самого прецедентного правотворчества.

Общепризнанным подходом к сути прецедента в доктрине общего права выступает тезис о том, что непосредственным правовым (прецедентным) элементом является не просто судебное решение как таковое (его резолютивная часть), а именно мотивы суда, по которым то или иное решение было принято, что именуется ratio decidendi [5, с. 112].

При этом во многих случаях корректное и точное выявление мотивов суда, образующих ratio decidendi в составе судебного прецедента, является сложной задачей ввиду тесной связи применяемой судом аргументации с набором конкретных фактических обстоятельств дела, применительно к которым такая аргументация была разработана. Данное обстоятельство вкупе с широко распространенной практикой объемного и многосложного изложения текста судебных актов судьями стран общего права делает поиск и доказывание того, что является в судебном акте ratio decidendi, нетривиальной задачей, которой вынуждены заниматься профессиональные судебные юристы в своей деятельности.

Например, в рамках известного дела Палаты Лордов Donoghue v Stevenson было сформулировано правило о том, что производитель пива несет ответственность перед потребителем, приняв во внимание тот факт, что бутылка была предварительно упакована и не являлась прозрачной, в связи с чем наличие постороннего предмета (улитки) в бутылке не могло быть замечено потребителем в момент потребления пива даже при проявлении обычной осмотрительности [6].

В научных комментариях к прецеденту Donoghue v Stevenson разъясняется, что непосредственным правовым правилом в виде ratio decidendi в данном деле следует считать сформулированный судьями подход о том, что производитель предварительно закупоренного напитка в непрозрачной таре несет ответственность за причиненный при его употреблении вред в случае, если наступление вреда было вызвано недостатками напитка, возникшими до его закупоривания в бутылку [7, p. 42]. В то же время последующая применимость данного прецедента к другим делам предполагает необходимость дополнительного анализа того, в какой степени последующие дела схожи и насколько разница в наборе фактов является существенной.

Например, кажется очевидным, что прецедент Donoghue v Stevenson применим к ситуациям отравления потребителя при употреблении иных разновидностей напитков

помимо пива – например, сока или содовой. Не менее очевидной представляется возможность применения данного правила и в тех случаях, когда отравление произошло в принципе не напитком, а иными продуктами питания – например, готовыми блюдами, полуфабрикатами и т. д., что объясняется явной незначительностью фактурных различий между двумя обсуждаемыми ситуациями.

В то же время совершенно иначе выглядит вопрос о применимости прецедента Donoghue v Stevenson к ситуациям, когда продукт не является предварительно упаковываемым либо же его тара не непрозрачна. Такие различия в фактических обстоятельствах следует считать существенными, поскольку их значение позволяет привести аргументы против возложения ответственности на производителя продукции за отравление потребителя: при отсутствии предварительной упаковки производитель лишен возможности контролировать содержание (и, соответственно, безопасность) продукта, равно как и прозрачность тары позволяет осмотрительному потребителю обнаружить наличие в товаре посторонних предметов и веществ, представляющих угрозу безопасности здоровью при потреблении товара.

Изложенное наглядно демонстрирует одну из основных особенностей практического правоприменения в странах прецедентного права – закрепленное в судебном прецеденте правило (правовая норма) в виде ratio decidendi имеет тесную связь с фактическими обстоятельствами спора, при разрешении которого был сформулирован прецедент. В то же время фактические обстоятельства каждого дела уникальны, что предполагает необходимость определять возможность применения одного и того же ratio decidendi к различным схожим делам с отличиями в наборе фактов, определяя степень значимости таких различий. Такая особенность применения судебного прецедента позволяет судить о неопределенности ratio decidendi с точки зрения точных границ ее применимости к тем или иным случаям, которые могут произойти в будущем.

Рассматривая ratio decidendi в качестве правовой нормы, следует отметить, что набор фактических обстоятельств, в контексте которых ratio decidendi было применено при создании прецедента, представляет собой по сути гипотезу правовой нормы (в категориях романо-германского правового инструментария). Это соответствует сложившемуся в теории права классическому определению гипотезы нормы права как набора жизненных обстоятельств, при наличии которых правовая норма вступает в действие [8, с. 335].

В таком случае можно заключить, что гипотеза прецедентной правовой нормы не имеет заранее определенных границ в виде конкретного охвата круга фактических обстоятельств, к которым правовая норма применима, поскольку применение судебного прецедента к схожим фактическим обстоятельствам требует определения применимости такого прецедента с точки зрения того, насколько разница в фактических обстоятельствах между прецедентным делом и схожими с ним делами является существенной.

Следует отметить, что такого рода «плавающая» природа гипотезы прецедентных правовых норм также вытекает из активного применения в практике стран общего права приема в виде distinguishing (в переводе с англ. – различение или выявление различий), суть которого сводится к отказу применять прецедент судом именно ввиду существенных различий между обстоятельствами рассматриваемого дела и обстоятельствами прецедентного дела, что делает прецедент неприменимым.

Так, в деле Merritt v. Merritt [9] суд не применил прецедент по делу Balfour v. Balfour [10], устанавливавший правило об отсутствии юридической силы у соглашения супругов, устанавливающих между ними денежные обязательства. Причина, по которой данный прецедент не был применен в деле Merritt v. Merritt, заключалась в том, что супруги прекратили реальные брачные отношения (совместное проживание друг с другом), несмотря на то, что они состояли в браке.

Таким образом, следует отметить, что условно выделяемая в структуре прецедентной правовой нормы «гипотеза» в виде набора фактических обстоятельств, в рамках которых норма подлежит применению, имеет пониженную степень фиксации и определенности своего логического объема (сферы применения). Поскольку многие жизненные

казусы могут быть схожими, между ними всегда будут иметься те или иные различия, что в каждом конкретном случае влечет необходимость определения того, насколько заложенная в ratio decidendi гипотеза может распространяться (расширяться) на новые жизненные ситуации, имеющие фактологические отличия от прецедентного образца.

В сравнении с этим гипотеза классической для континентальных правопорядков правовой нормы в виде абстрактно сформулированного правила поведения, зафиксированного в тексте нормативного акта, выглядит значительно более определенной. Определение объема такой гипотезы ограничивается лишь определением буквального смысла текста и, в определенных случаях, применением тех или иных методов юридического толкования, что не предполагает необходимости обращения к каким-либо фактам, использованным при создании правовой нормы (поскольку абстрактная правовая норма создается законодателем в отрыве от каких-либо фактов в принципе).

Таким образом, корректное применение правовой нормы, содержащейся в заложенном в судебном прецеденте ratio decidendi, требует верного определения гипотезы такой правовой нормы путем глубокой логической проработки текста судебного прецедента и сопоставления фактуры двух жизненных ситуаций – дела, где был сформулирован прецедент, и вновь разрешаемого казуса, к которому предполагается применение такого прецедента. В определенном смысле можно утверждать, что судебный прецедент всегда является заложником жизненного случая (набора фактических обстоятельств), в рамках которого он был сформулирован, чего не наблюдается при применении норм права, вытекающих из законодательного материала.

Рассматривая следующий элемент в классической структуре правовой нормы – диспозицию, следует признать, что ее роль в составе судебного прецедента условно играет само суждение или правое решение, которое предложил суд в сформулированном им ratio decidendi. Иными словами, диспозиция прецедентной правовой нормы состоит в решении проблемного правового вопроса, возникшего в рамках разрешенного судом казуса, лежащего в основе прецедента. Это соответствует пониманию диспозиции в контексте континентальной правовой доктрины, в рамках которой диспозиция определяется в качестве правила (предписания), применимого к определенным в гипотезе нормы фактическим обстоятельствам [11, с. 57].

Несмотря на относительную простоту и прямолинейность диспозиции, содержащейся в прецедентной правовой норме, правоприменительная практика стран общего права демонстрирует возможность видоизменения диспозиции ratio decidendi, в том числе в виде расширения либо же ограничения заложенного в диспозиции правила, что в определенной степени схоже с продемонстрированным ранее «плавающим» характером гипотезы правовой нормы.

Следует отметить, что ситуации с отсутствием однозначно определенного правила в виде диспозиции в ratio decidendi являются, в отличие от случаев с гипотезой, скорее, следствием наличия недостатков в сложившейся прецедентной системе, что может выражаться в противоречивости сформировавшейся судебной практики по одному и тому же вопросу, при условии неустранения такой противоречивости на уровне высшей судебной инстанции. Типичный пример такого случая – практика судов США по вопросу о возможности привлечения к ответственности за убытки, наступившие в результате невиновного (неумышленного) недостоверного утверждения в составе заверений по договору – часть судов придерживается подхода о наличии оснований для взыскания деликтных убытков в таких ситуациях, в то время как другая часть придерживается прямо противоположного подхода [12].

В то же время отсутствие стабильной фиксации диспозиции в виде правила в составе ratio decidendi может быть следствием не только противоречивости в правоприменительной практике, но и эволюционирования подходов судов к тому или иному вопросу. Примером данного варианта является последовательное развитие прецедентной практики французских судов, которыми развивался ранее созданный Кассационным судом Франции институт астрента. Изначально установленное правило о том, что сумма астрента не может превышать сумму убытков взыскателя, было

скорректировано в 1950 г., когда суды начали допускать взыскание астрента и сверх размера реальных убытков пострадавшей стороны [13, с. 330].

Изложенное позволяет заключить, что диспозиция прецедентной правовой нормы также может иметь вариативность своего содержания, что, в отличие от вариативности гипотезы, является скорее следствием особенности функционирования прецедентной правовой системы в целом, а не конституирующим признаком правовой нормы в составе судебного прецедента как таковой.

Наконец, переходя к последнему элементу в классической структуре правовой нормы – санкции, следует отметить отсутствие единства мнений по вопросу о возможности выделения таковой в составе судебного прецедента. В частности, по мнению ряда отечественных авторов, в судебном прецеденте отсутствует такой элемент как санкция правовой нормы, поскольку довольно проблематично «наказать» кого-либо за несоблюдение правовых норм в виде сформулированных прецедентных судебных решений [14, с. 57]. В то же время представляется, что данный аргумент справедлив лишь отчасти.

Так, следует согласиться с формально-догматической корректностью утверждения, что сама по себе правовая норма в виде заложенного в судебном прецеденте ratio decidendi не содержит санкции в виде установления тех или иных негативных юридических последствий несоблюдения правовых норм, изложенных в судебном прецеденте. Очевидно, что ни один судебный акт, которым был сформулирован прецедент, не будет содержать указаний на негативные последствия его неисполнения сторонами спора или иными лицами при возникновении в правоотношении с их участием подобных правовых вопросов.

Такое понимание санкции правовой нормы в составе судебного прецедента (а точнее, отсутствия таковой) имеет место при изначально принятой установке о том, что такие правовые нормы направлены непосредственно на участников правоотношений (стороны спора, иных третьих лиц). Представляется, что подобная логика также может быть применена к судебным прецедентам – например, применительно к рассмотренному делу Donoghue v Stevenson представляется возможным заключить, что санкцией правовой нормы в составе данного прецедента является привлечение ответчика (производителя пива) к ответственности перед истцом в связи с его отравлением. В то же время такая логика определения санкционного элемента правовой нормы характерна, скорее, для романо-германского понимания структуры правовой нормы в составе нормативного правового акта, что неприменимо для правовых норм в составе судебного прецедента.

Сказанное не означает, что в прецедентной норме полностью отсутствует санкция в классическом, материально-правовом смысле. При применении судом прецедента к конкретному спору участники правоотношений претерпевают традиционные правовые последствия. Например, в деле Donoghue v Stevenson производитель был обязан компенсировать вред, причиненный потребителю. Однако, если рассматривать прецедентную норму так же, как обязательное правило для самого судьи (stare decisis), то обнаруживается и второй уровень санкционирования. С этой точки зрения санкция обращена к судье, отклоняющемуся от ранее сформированной прецедентной линии, и проявляется в виде рисков отмены судебных актов, карьерных издержек и иных служебно-бюрократических последствий. Именно в этой двойственности состоит специфика санкционного элемента в структуре прецедентной правовой нормы.

Полагаем, что санкция прецедентных правовых норм должна рассматриваться в качестве механизма обеспечения преемственности судебных прецедентов и единообразия судебной практики. В таком случае взгляд на санкцию правовой нормы в составе судебного прецедента может быть совершенно иным.

В частности, представляется верным, что непосредственным адресатом правовых норм, содержащихся в судебных прецедентах, являются не сами участники соответствующих материально-правовых отношений, а правоприменители (судьи), для которых прецеденты по иным делам (как правило, принятые вышестоящими судами) de facto представляют собой обязательную к исполнению инструкцию или модель поведения при осуществлении правоприменительных функций в схожих практических ситуациях.

По этой же причине следует заключить, что в той мере, в какой именно судьи являются адресатами прецедентных правовых норм и, соответственно, лицами, ответственными за их исполнение, именно им и должны быть адресованы санкции данных правовых норм на случай их неисполнения.

При таком понимании направленности прецедентных норм права представляется, что санкция любой прецедентной правовой нормы сводится не столько к прямо закрепленным в самих прецедентах негативным последствиям их неисполнения, сколько к работе судебной системы соответствующего правопорядка, которым обеспечивается реальная обязательность судебных прецедентов посредством побуждения судей к следованию им.

Следует, однако, признать, что основная сложность в определении применяемых в системе прецедентных правовых норм санкций состоит в высокой роли правосознания, сложившихся в том или ином правопорядке общего права традициях, а также «судейской вежливости», которые выступают значимыми факторами, обеспечивающими реальную исполнимость прецедентов судьями, что никак не связано с превенцией несоблюдения судьями прецедентов через установление тех или иных наказаний [15, с. 13].

В то же время следует согласиться с тем, что санкционные механизмы обеспечения единообразия судебной практики в виде соблюдения предшествующих прецедентов все же присутствуют и могут заключаться в негативных процессуальных и служебно-бюрократических (в том числе карьерных) последствиях для судьи, отклоняющегося от заданной прецедентной линии. Представляется справедливым утверждение С. Л. Савельева о том, что «судья, нарушивший обязанность следования прецеденту, может иметь негативную статистику отмен своих решений, что может повлечь за собой неблагоприятные последствия для него, такие как трудности продвижения по карьерной лестнице, лишение премий, вплоть до рассмотрения вопроса о его несоответствии занимаемой должности» [16, с. 144].

Изложенное позволяет заключить, что санкционные механизмы обеспечения исполнения прецедентных правовых норм судьями все-таки существуют в виде наличия в конкретной судебной системе мер служебного и процессуального воздействия на судей, игнорирующих принятые ранее прецеденты. В то же время важно отметить существование проблематики размытости такого рода санкционных мер – как правило, на уровне позитивного права не устанавливаются конкретные меры и случаи применения ответственности для судей, нарушающих судебные прецеденты (например, какое количество нарушений судебных прецедентов следует считать критическим и какие конкретно «санкции» могут подлежать применению за то или иное количество нарушений). Это объясняется как отсутствием детального позитивно-правового регулирования вопросов дисциплинарной (служебной) ответственности судей, так и высоким уровнем дискреции в данной сфере правоприменения.

Пристатейный библиографический список

1. Будылин С. Л. Дело о рамочном соглашении. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 07.12.2015 № 305-ЭС15-4533 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 2. С. 9–13.

2. Верещагин А. Н., Карапетов А. Г., Тай Ю. В. Пути совершенствования правотворческой деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ // Вестник ВАС РФ. 2013. № 6. С. 4–81.

3. Петрова Е. А. Основные подходы к структуре нормы права в различных правовых традициях // Lex russica. 2015. № 1. С. 84–95.

4. Богдановская И. Ю. Прецедентное право. М. : Наука, 1993.

5. Davis R. The Doctrine of Precedent as Applied to Administrative Decisions // West Virginia University College of Law. 1957. Vol. 59, iss. 2. P. 112.

6. Donoghue v Stevenson [1932] AC 562. URL: https://www.scottisharchivesforschools.org (дата обращения: 05.04.2026).

7. Cross R., Harris J. W. Precedent in English Law // Oxford University Press, 1991.

8. Милентенкова Я. В. К вопросу о разграничении мер защиты и мер ответственности в гражданском праве РФ // Власть Закона. 2025. № 2. С. 332–340.
9. Merritt v. Merritt [1970] EWCA Civ 6. URL: https://juristopedia.com/case/merritt-v-merritt/ (дата обращения: 07.04.2026).
10. Balfour Balfour v. Balfour [1919] 2 KB 571. URL: https://careerinlaw.net/uk/case-summary-balfour-v-balfour-1919-2-k-b-571 (дата обращения: 07.04.2026).
11. Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1982.
12. McKendrick E. Contract law: text, cases, and materials. Oxford, 2012.
13. Жюллио де ла Морандьер Л. Гражданское право Франции : в 3 т. / пер. с франц. Е. А. Флейшиц. М., 1958. Т. 2. С. 329–330.
14. Манжосов С. А. Прецедент в конституционном праве: структурный анализ stare decisis и jurisprudence constante // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 3. С. 45–71.
15. Гаджиев Х. И. Сравнительное право в методологии судебной аргументации – средство правотворческой роли судьи // Российская юстиция. 2025. № 7. С. 9–16.
16. Выводы судебного юриста-2. Доказательства и доказывание в арбитражном процессе: анализ правоприменительной практики / В. Б. Юзефович, С. Л. Савельев, И. Н. Ищук, А. В. Цыб; под общ. ред. В. Б. Юзефовича. 2-е изд., перераб. и доп. М.; Берлин : Инфотропик Медиа, 2013.

References

1. Budylin S. L. Delo o ramochnom soglashenii. Kommentarij k Opredeleniyu Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 07.12.2015 № 305-ES15-4533 // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii [The Case of a Framework Agreement. Commentary on the Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 7, 2015, No. 305-ES15-4533. // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation]. 2016. No. 2. Pp. 9–13.
2. Vereshchagin A. N., Karapetov A. G., Taj YU. V. Puti sovershenstvovaniya pravotvorcheskoj deyatel'nosti Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF // Vestnik VAS RF [Ways to Improve the Law-Making Activity of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation]. 2013. No. 6. Pp. 4–81.
3. Petrova E.A. Osnovnye podhody k strukture normy prava v razlichnyh pravovyh tradiciyah // Lex russica [The Main Approaches to the Structure of a Legal Proposition in Various Legal Traditions. // Lex Russica]. 2015. No. 1. Pp. 84–95.
4. Bogdanovskaya I. YU. Precedentnoe pravo [Case Law]. M., Izd-vo: Nauka [Nauka Publishing House], 1993.
5. Davis R. The Doctrine of Precedent as Applied to Administrative Decisions // West Virginia University College of Law. 1957. Vol. 59, iss. 2. P. 112.
6. Donoghue v Stevenson [1932] AC 562. URL: https://www.scottisharchivesforschools.org (data obrashcheniya: 05.04.2026).
7. Cross R, Harris J. W. Precedent in English Law // Oxford University Press, 1991. P. 42.
8. Milentenkova YA. V. K voprosu o razgranichenii mer zashchity i mer otvetstvennosti v grazhdanskom prave RF // Vlast Zakona [On the Issue of Distinction between Protective Measures and Liability Measures in the Civil Law of the Russian Federation // Power of Law]. 2025. No. 2. Pp. 332–340.
9. Merritt v. Merritt [1970] EWCA Civ 6. URL: https://juristopedia.com/case/merritt-v-merritt/ (data obrashcheniya: 07.04.2026).
10. Balfour Balfour v. Balfour [1919] 2 KB 571. URL: https://careerinlaw.net/uk/case-summary-balfour-v-balfour-1919-2-k-b-571 (data obrashcheniya: 07.04.2026).
11. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava [General Theory of Law]. M.: YUrid. lit. [Juridical Literature], 1982.
12. McKendrick E. Contract law: text, cases, and materials. Oxford, 2012.

13. Morander L. ZH. de la. Grazhdanskoe pravo Francii : v 3 t. [Civil Law of France: in 3 volumes] /translated from French by E. A. Fleishitz. M., 1958. Vol. 2. Pp. 329–330.

14. Manzhosov S. A. Precedent v konstitucionnom prave: strukturnyj analiz stare decisis i jurisprudence constante // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie [Precedent in Constitutional Law: Structural Analysis of Stare Decisis and Jurisprudence Constante // Comparative Constitutional Review]. 2023. No. 3. Pp. 45–71.

15. Gadzhiev H. I. Sravnitel'noe pravo v metodologii sudebnoj argumentacii – sredstvo pravotvorcheskoj roli sud'i // Rossijskaya yusticiya [Comparative Law in the Methodology of Judicial Reasoning – a Tool for the Law-Making Role of a Judge // Russian Justice]. 2025. No. 7. Pp. 9–16.

16. Vyvody sudebnogo yurista-2. Dokazatel'stva i dokazyvanie v arbitrazhnom processe: analiz pravoprimenitel'noj praktiki [Conclusions of a Trial Lawyer – 2 Evidence and Proof in Arbitration Proceedings: Analysis of Law Enforcement Practice] / V. B. Yuzefovich, S. L. Savelyev, I. N. Ishchuk, A. V. Tsyb; under the general editorship of V. B. Yuzefovich. 2nd ed., revised and enlarged. M.; Berlin : Infotropik Media, 2013. Pp. 144.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 21.03.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was received by the editors on 25.02.2026; approved after review on 21.03.2026; accepted for publication on 31.08.2026.